

**Виктор Дмитриевич Кудрявцев-
Платонов**

Сочинения

Том III. Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В43

Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов
В43 Сочинения: Том III. Выпуск 1 / Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 389 с.

ISBN 978-5-458-04929-0

Посмертное издание собрания сочинений видного представителя русского теизма – профессора Московской Духовной академии и Председателя Братства Преподобного Сергия. Несмотря на то, что в истории русской философии Кудрявцев-Платонов не получил известности как основатель оригинальной философской системы, его по праву считают превосходным философским писателем и талантливым выразителем идеи непротиворечивого сочетания философского мирозерцания и христианского учения. Структура трехтомного издания построена на курсе лекций, читанных Кудрявцевым-Платоновым в академии, и созданном им учебнике по философии. В первом томе представлено введение в философию и цикл статей по гносеологии, второй том посвящен исследованиям в естественном богословии, и, наконец, в третьем томе собраны его работы по космологии и рациональной психологии.

ISBN 978-5-458-04929-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
1. Матеріалистическій атомизмъ.	1—49
2. Самостоятельность начала органической жизни. . .	50—115
3. О происхожденіи органическихъ существъ. Теорія транс- формаци.	116—201
4. Изъ чтеній по космологіи. Происхожденіе міра. . .	202—358
I. Матеріалистическая теорія происхожденія міра. 210—264.—II. Дуалистическая и пантеистическая теорія происхожденія міра. 264—283. — III. Рѣшеніе вопроса о происхожденіи міра съ точки зрѣнія теизма. 283—314.— IV. Опыты примиренія теистическаго ученія о твореніи съ другими теоріями происхожденія міра. 314—358.	
5. Регрессивная и прогрессивная теорія происхожденія міра.	359—383

МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКІЙ АТОМИЗМЪ *).

Матеріализмъ, какъ показываетъ самое названіе его, признаетъ сущностью и абсолютнымъ началомъ всего существующаго матерію. Итакъ, понятіе матеріи есть основное и существенное для матеріализма; отъ правильности или неправильности этого понятія должна окончательно зависѣть судьба этого философскаго направленія и его состоятельность или несостоятельность въ рѣшеніи дальнѣйшихъ, болѣе специальныхъ вопросовъ. Поэтому, при научной критикѣ этого, столь къ несчастію распространеннаго въ наше время, направленія, прежде всего и важнѣе всего изслѣдовать, въ какой мѣрѣ проченъ самый фундаментъ матеріализма,—понятіе его о матеріи. Какъ скоро оказалось бы, что это основаніе далеко не прочно, что все громадное зданіе матеріализма на самомъ дѣлѣ построено не на твердомъ камнѣ, а на пескѣ, то этого достаточно было бы, чтобы произнести строгій и рѣшительный приговоръ надъ всею системою матеріализма. Отъ этого приговора не спасли бы его самые блестящіе, по видимому иногда столь увлекательные, опыты рѣшенія нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ, касающихся природы и человѣка; потому что только легкомысліе можетъ увлекаться деталями, внѣшнею отдѣлкою и украшеніемъ зданія, которое грозитъ разрушиться при первомъ ударѣ въ его фундаментъ.

Вопросъ о матеріи, какъ субстратѣ чувственнаго бытія, не

*) Эта статья помѣщена была въ „Приб. къ Твор. Св. Отц.“ за 1880 г. ч. XXVI.

есть какая либо спеціальная принадлежность современнаго матеріализма; онъ принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ вопросовъ философствующаго ума. Природа, при непосредственномъ взглядѣ на нее, представляетъ намъ безчисленное множество отдѣльныхъ предметовъ съ самыми разнообразными свойствами фигуры, величины, цвѣта, запаха и пр. Но это разнообразіе не есть что нибудь постоянное и неизмѣнное; предъ нашими взорами ежеминутно идетъ самая разнообразная смѣна предметовъ, явленій, свойствъ, состояній. Міръ физическій представляется намъ царствомъ феноменовъ, постоянно текучихъ и измѣнчивыхъ; но разнообразіе требуетъ объединенія; но явленія и измѣненія предполагаютъ *ничто*, что является и измѣняется.

Отсюда, какъ скоро умъ человѣка переступилъ границы непосредственнаго созерцанія явленій природы, какъ скоро въ немъ пробудилась первая философская мысль при взглядѣ на природу, тотчасъ возникла попытка свести это безконечное разнообразіе явленій, въ которомъ терялась мысль, къ единству, отыскать общій неизмѣнный субстратъ или основу физическаго міра. Болѣе глубокое побужденіе къ такой попыткѣ, конечно, коренилось въ существенномъ, служащемъ мотивомъ самой философіи, требованіи мысли,—искать единства среди разнообразія предметовъ и явленій, первой и основной причины среди причинъ частныхъ и второстепенныхъ. Все дѣло знанія состоитъ въ сведеніи множественнаго, несвязнаго къ простому, опредѣленному и основному,—и эта цѣль инстинктивно предносилась уму первыхъ мыслителей въ ихъ стремленіи найти первое начало природы. Къ этому, чисто теоретическому, философскому требованію ума, въ свою очередь, присоединялись первоначальныя, конечно, очень поверхностныя, но, тѣмъ не менѣе, имѣвшія очень сильное вліяніе на возбужденіе и оправданіе этого требованія, эмпирическія наблюденія. Самыя простыя наблюденія должны были уже навести философовъ на мысль, что въ основаніи разнообразныхъ предметовъ природы должно лежать что либо болѣе простое и однообразное, *изъ чего* они возникаютъ и *во что* обращаются. Такъ напр. они замѣчали, что растеніе увядало, сгнивало, разрушалось, обращалось въ землю. Естественно приходило на мысль, что земля напр. и есть тотъ первоначальный субстратъ

или матеріаль, изъ котораго образуются столь разнородныя растенія. Затѣмъ, и безъ химическихъ изслѣдованій, непосредственнаго наблюденія было достаточно, чтобы показать, что и земля въ свою очередь не есть что либо простое и однородное, что и она должна состоять изъ какихъ либо болѣе простыхъ и однородныхъ элементовъ; далѣе, что не всѣ предметы природы подобно растеніямъ разлагаются безъ остатка въ землю и изъ нея возникаютъ. Отсюда попытки отыскать болѣе всеобщую и первоначальную основу бытія, которая служила бы перво-элементомъ какъ земли, такъ и всѣхъ другихъ предметовъ.

Такимъ образомъ, и въ силу существенно принадлежащаго уму стремленія къ единству въ познаніи, и въ силу непосредственныхъ эмпирическихъ наблюденій, неизбѣжно возникалъ вопросъ о сущности, лежащей за многообразіемъ явленій природы и составляющей ихъ основу. Но такъ какъ ближайшимъ образомъ представлявшіяся уму на первыхъ порахъ его философскаго развитія явленія были физическія, такъ какъ изъ круга этихъ явленій не были еще выдѣлены психическія, какъ имъ по существу противоположныя, то вопросъ о первоосновѣ природы касался вообще всѣхъ явленій, какъ міра физическаго, такъ и духовнаго безразлично. Эта первооснова, этотъ субстратъ явленій, такъ какъ вниманіе первыхъ мыслителей было обращено главнымъ образомъ на явленія физическія, представлялся ими по образцу главныхъ и казавшихся имъ болѣе значительными въ экономіи природы физическихъ предметовъ, только въ большей ихъ общности и простотѣ. Для опредѣленія первоосновы измѣнчиваго бытія первые философы обращались къ самой же видимой природѣ и при помощи доступныхъ тѣмъ временамъ наблюденій старались въ числѣ разнообразныхъ предметовъ природы отыскать такой, который бы входилъ такъ сказать во всѣ другіе предметы ея, составлялъ бы необходимое условіе существованія всѣхъ ихъ и потому болѣе соотвѣтствовалъ бы понятію необходимости, всеобщности, первоначальности, которое требовалось идеею перваго основанія бытія. Такимъ предметомъ, такою матеріею однимъ изъ философовъ (Θαλесь) казалась вода, другимъ (Διογενъ Аполлонійскій) воздухъ, инымъ (Γεραклитъ) огонь; другіе, находя неудовлетворительнымъ объясненіе разнообразія при-

роды изъ одного какого либо изъ этихъ элементовъ, признавали началомъ природы, или неопредѣленное смѣшеніе всѣхъ ихъ, или всѣ эти вещества, но присоединяя къ нимъ, одни землю, другіе эфиръ. Отсюда мало по малу (окончательно у Емпедокла) образовалось извѣстное ученіе о четырехъ стихіяхъ, имѣвшее столь продолжительное существованіе, какъ въ области философіи, такъ и естествознанія.

Общая характеристическая черта всѣхъ этихъ представлений о матеріи, разработка которыхъ принадлежитъ преимущественно Іонійской, такъ называемой фізіологической, школѣ, состоитъ а) въ томъ, что матерія представлялась субстратомъ явленій *качественно* опредѣленнымъ и, притомъ, по аналогіи съ какимъ либо дѣйствительнымъ, видимымъ нами, предметомъ природы, напр. водою, воздухомъ, огнемъ. Качественность составляла необходимый признакъ матеріи, безъ котораго она не могла быть чѣмъ либо опредѣленно, конкретно мыслимымъ, или, точнѣе сказать, представляемымъ. Этотъ качественный характеръ матеріи неизбѣжно оставался, несмотря на стараніе нѣкоторыхъ философовъ утончить, такъ сказать, ее, при мысли о ней сколь возможно отстранить представленіе о наглядныхъ предметахъ и явленіяхъ, напр. объ обыкновенной водѣ, обыкновенномъ огнѣ и пр. б.) Второй характеристическій признакъ разсматриваемаго нами понятія о матеріи тотъ, что она была представляема какъ нѣчто *сплошное*, связано и непрерывно протяженное повсюду, безъ промежутковъ наполняющее міровое пространство. Чувственною аналогіею для такого представленія о матеріи могъ служить воздухъ или вода. Матерія, употребляя принятый для этого въ философіи терминъ, по такому воззрѣнію на нее, есть *continuum*, т. е. сплошь протяженное бытіе. Объясненіе происхожденія предметовъ изъ такой матеріи возможно только при предположеніи ея *сжимаемости* и *растируемости*; большая или меньшая степень сгущенія и разрѣженія матеріи производитъ различные предметы природы. Дѣйствительно мы и видимъ, что понятіе сгущенія и разрѣженія играетъ существенную роль въ космологіи Іонійскихъ философовъ.

Но на ряду съ такимъ представленіемъ о матеріи возникаетъ въ древней философіи другое, которому суждено имѣть въ послѣдствіи огромное вліяніе на ходъ естествознанія,—это

теорія атомистическая. Она представляет совершенную противоположность теоріи матеріи, какъ качественно опредѣленнаго continuum. Вопреки мнѣнію о качественной опредѣленности первовещества, является мысль о совершенной его безкачественности. Матерія сама по себѣ не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ или подобныхъ качественныхъ свойствъ, какими характеризуются дѣйствительные предметы природы. Ей принадлежатъ только количественныя, геометрическія опредѣленія; первоначальныя частицы матеріи могутъ различаться только по величинѣ и фигурѣ. Вопреки мнѣнію о сплошной протяженности матеріи, рождается мысль о ея абсолютной раздробленности на мельчайшія недѣлимые частицы, отдѣленные пустыми промежутками; матерія представляется не въ видѣ continuum, но въ видѣ атомовъ.

Атомизмъ—ученіе чрезвычайное древнее. У Греческихъ писателей *) сохранилось преданіе, что роина его на Востокѣ; начало атомистической теоріи они приписываютъ какому то Финикіянину Мосху или Оху, жившему будто бы еще до Троянской войны. Но гораздо важнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ это темное преданіе, тотъ фактъ, что въ Индіи въ глубокой древности дѣйствительно встрѣчается атомистическое ученіе и, при томъ, въ видѣ довольно развитой философской теоріи. Оно изложено въ философской системѣ Вайсешика, авторомъ которой признается Канада. Впрочемъ, Канада атомистическую сложность допускаетъ только для предметовъ міра матеріальнаго; духовное начало, безконечный Разумъ, есть второе самостоятельное начало бытія. Къ мысли о существованіи атомовъ Канада приходитъ вслѣдствіе метафизической невозможности допустить продолженіе дѣлимости до безконечности. „Если-бы каждое тѣло, говоритъ онъ, было сложено изъ безконечнаго количества частицъ или, иначе, если бы оно было дѣлимо, то не было бы никакого различія между маленькимъ зерномъ и большою горою, потому что безконечное въ одномъ было бы равно безконечному въ другомъ“. На этомъ основаніи онъ признаетъ матерію вообще сложенною изъ недѣлимыхъ, неразрушаемыхъ вѣчныхъ частицъ или атомовъ. Атомы не могутъ быть предметомъ чувственного наблюденія, потому что въ та-

*) Посидонія, Страбона (Lib. XIV), Секста Емпирика (Adv. Mathem.) и др.

комъ случаѣ они не были бы истинными началами, но, подобно другимъ вещественнымъ предметамъ, дѣйствующимъ на наши органы чувствъ, подлежали бы измѣненію и разрушенію. Каждая изъ главныхъ стихій природы состоитъ изъ атомовъ особаго рода; есть атомы земляные, воздушные, свѣтовые и пр. Сочетаніе атомовъ при образованіи тѣлъ и разъединеніе ихъ при разрушеніи происходитъ не случайно, но по правильнымъ неизмѣннымъ законамъ, которые и старается затѣмъ опредѣлить философія Канады.

Нѣтъ никакой необходимости, по примѣру нѣкоторыхъ ученыхъ, приводить эту восточную атомистику въ родственную историческую связь съ Греческою философіею Левкиппа и Демокрита, основываясь на сказаніяхъ о путешествіяхъ этихъ философовъ на Востокъ. Греческая атомистика, на подробностяхъ которой, какъ на достаточно извѣстныхъ, мы здѣсь не останавливаемся, могла возникнуть и самостоятельно, въ слѣдствіе сознанія неудовлетворительности прежнихъ Іонійскихъ представленій о матеріи. Это вполне вѣроятно, хотя при общей скудости свѣдѣній о до—сократовской философіи, исторія философіи и не указываетъ намъ ясно мотивовъ возникновенія философіи Левкиппа въ преемствѣ другихъ системъ, такъ что на первый взглядъ она кажется возникшею внезапно, безъ особыхъ причинъ, что и дало можетъ быть поводъ считать ее плодомъ заимствованія съ Востока. Мысль о генетической связи атомизма съ Греческими, а не Восточными системами подтверждается и тѣмъ, что первые начатки этого ученія замѣтны уже въ философіи Емпедокла и особенно Анаксагора. Оміомеріи послѣдняго, въ сущности, тѣже атомы, только съ качественнымъ еще характеромъ, не атомы вообще, отличающіеся только величиною и формою, но атомы опредѣленныхъ веществъ, напр. воды, золота, плоти, костей и пр. Откиньте отъ Анаксагоровыхъ оміомерій ихъ качественный характеръ и вы получите атомы Левкиппа и Демокрита.

Отличительный характеръ ученія о матеріи большей части до—сократовскихъ мыслителей (Іонійцевъ) состоялъ въ томъ, что они понимали ее, какъ первооснову не только того бытія, которое мы называемъ матеріальнымъ, но всего бытія вообще; они производили изъ своего первоначала не только физическія, но и психическія явленія. Но такъ какъ и первымъ философамъ

не могло показаться удобнымъ производить изъ чисто матеріальныхъ началъ такія явленія, какъ напр. разумность, жизнь, сознаніе, то они устраняли это затрудненіе тѣмъ, что самой своей перво-матеріи наравнѣ съ физическими свойствами, напр. сжимаемостію и расширяемостію, приписывали и духовныя, напр. разумъ. Огонь Гераклита, воздухъ Анаксимена и Діогена были живыми, дѣйствующими, разумными началами, назывались умомъ, Зевсомъ; это ученіе объ одушевленности матеріи,—гиллозоизмъ. Когда со временъ Анаксагора начало разумное и духовное было ясно выдѣлено изъ матеріальнаго и противопоставлено ему, какъ противоположное, то точнѣе опредѣлилось и понятіе о матеріи, какъ началѣ пассивномъ, неразумномъ. То и другое начала были поставлены какъ два равноправныя, самобытныя и одинаково необходимыя условія бытія; отсюда возникъ дуализмъ. Но недостатки дуализма не могли укрыться отъ такихъ проницательныхъ мыслителей, какъ Платонъ и Аристотель. Въ ихъ философіи мы находимъ стремленіе, если не окончательно уничтожить понятіе о самобытности матеріи (что было невозможно по коренному характеру Греческой философіи, которой былъ чуждъ тотъ рѣшительный и послѣдовательный идеализмъ, который составляетъ принадлежность новой философіи), то, по крайней мѣрѣ, утончить до послѣдней возможности представленіе о ней съ цѣлью умалить ея самостоятельное значеніе. Такъ Платонъ въ сравненіи съ бытіемъ идеальнымъ, съ міромъ не вещественныхъ идей, называетъ ее чѣмъ то не сущимъ (*μὴ ὄν*); Аристотель опредѣляетъ ее, какъ бытіе возможное или въ возможности. Но въ системахъ слѣдующихъ за этими корифеями Греческой философіи мыслителей мы замѣчаемъ уже не опыты дальнѣйшаго развитія понятія о матеріи на основаніи началъ, положенныхъ Платономъ и Аристотелемъ, но упадокъ мышленія, возвращеніе къ прежнимъ до-сократовскимъ представленіямъ о ней. Такъ, изъ двухъ наиболѣе вліятельныхъ послѣ Аристотеля школъ, Епикурейская развиваетъ ученіе объ атомахъ Демокрита, а Стоическая останавливается на гиллозоическомъ огнѣ Гераклита, какъ первоосновѣ бытія. Въ средневѣковой философіи, по самому характеру ея, ученіе о матеріи не могло возбуждать большаго интереса. Оно остановилось на той точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ Аристотель, а нѣкоторые средне-

вѣковые философы не шли дальше ученія о четырехъ стихіяхъ, которыя признали созданными Богомъ первыми элементами вещественной природы.

Съ обновленіемъ философіи Декартомъ и Бэкономъ возобновляются и два коренныя понятія о матеріи древнихъ, — представленія ся въ видѣ сплошнаго continuum и въ видѣ атомовъ. Декартъ понималъ матерію какъ протяженіе, а протяженіе и мышленіе почиталъ двумя сотворенными субстанціями, — первое основаніемъ физическаго, второе — духовнаго міра. Бэконъ, вообще, хвалилъ атомистическое воззрѣніе Епикура, не входя самъ въ разъясненіе вопроса о сущности матеріи. Возобновителемъ системы атомизма въ новое время обыкновенно считаютъ Гассенди, философа XVII вѣка. Общее многимъ мыслителямъ того времени полемическое направленіе противъ Аристотеле — схоластической философіи, которое его современника Декарта вывело на путь идеализма, направило Гассенди на путь эмпиризма. Что, ратуя въ интересахъ эмпирическаго знанія, Гассенди, также какъ и Бэконъ, возставалъ противъ Аристотеля, наиболѣе эмпирическаго философа древности, это объясняется тѣмъ недоразумѣніемъ, по которому тотъ и другой схоластическую философію, враждебно относившуюся къ положительному знанію, считали подлинно Аристотелевскою. Но какъ бы то ни было, незнакомый съ истиннымъ духомъ Аристотелевскаго эмпиризма Гассенди въ интересахъ послѣдняго обратился къ давно забытой атомистической теоріи, которую онъ обновилъ для своего времени въ своемъ сочиненіи: *de vita et moribus Epicuri*. Впрочемъ, атомизмъ Гассенди былъ чуждъ того матеріалистическаго характера, съ какимъ онъ является у древнихъ атомистовъ и у новѣйшихъ матеріалистовъ; его атомы служатъ не первоосвовой всего бытія вообще, но только бытія матеріальнаго. Какъ самое существованіе атомовъ, такъ и законы ихъ сочетанія и движенія Гассенди производитъ изъ всемогущества Божія *).

Но возобновленный, хотя и видоизмѣненный въ его существенномъ характерѣ, древній атомизмъ не удержался однако же въ общемъ движеніи собственно философскаго мышленія

*) Точно также какъ и Робертъ Бойль (1661), основатель химіи.